

Дыра на дне колодца желаний

Елисей Стрелецкий

На непросвещенный взгляд Елисея, папенька дюже переоценивал воспитательную силу заморских монастырей.

Впрочем, это не значило, что нужно было метаться, хлопать крыльями, угрожающе щелкать клювом и отбиваться. Если папеньке так было спокойнее - на здоровье, пусть тешит себя иллюзиями. Елисей же всю эту затею воспринимал как продолжительную экскурсию с проживанием. Ну, посмотрит Тибет, подкопит некоторое количество занимательных баек и вернется спокойненько к привычной жизни, только уже с отметкой в дневнике о прохождении экзотического курса. Ничем смертельным как будто не пахло.

Более того, пока даже как будто проблемами особыми ниоткуда не веяло. До монастыря Елисей добрался в какой-то степени с легкостью, все отрезки пути преодолев без запинки. Ну да, финальный марш-бросок, из деревни по пересеченной местности да по смутно натопанной горной тропинке, его изрядно задолбал и совершенно не вдохновил. И, когда уже неподалеку показались ворота монастыря, Елисей посмотрел на них с прищуром и строго так сам для себя решил: нет, ну вот этот пеший переход из деревни, это на сегодня было худшее. Хватит с него, невкусного понемножку. Дальше пусть непременно начинается что-нибудь более приятное. В награду - он же молодец, не выпендривался, некрасивое не вякал, дошел куда велено, не потерялся по дороге? Ну вот. Значит, как минимум печеньку заслужил.

Неизвестно, правда, как в тибетских монастырях дела обстоят с печенками. Тут весьма возможна какая-нибудь экзотическая диета. Ладно, тогда негастрономический эквивалент печенки тоже пойдет. В формате приятных впечатлений, например.

Сперва Елисей чуть было не ломанулся сквозь арку ворот без приглашения - а что, дверей же нет, зачем тогда иначе эта гостеприимно распахнутая дыра вместо ворот. В последний момент юноша все же углядел колокол у ворот и решил: а, это, видимо, аналог дверного звонка. Ну, тогда следовало им воспользоваться, как минимум - из вежливости, как максимум - из любопытства. Первое Елисей в достаточном количестве наскреб, пошарив по ментальным карманам, второе в нем уже само потихоньку оживлялось и копошилось. Поэтому юноша дисциплинированно звякнул в колокол и не менее дисциплинированно под тем колоколом замер - подождать результата и только потом, если результата не будет, уже ломиться напролом самому.

Ломэхонгва

В последние дни Ломэхонгва старается чаще бывать возле дома сифу Давенпорт, спрашивает, чем она может помочь, и всячески выражает, что она готова трудиться. Во-первых, она по-прежнему полагает женщину своей наставницей, раз никто никогда не говорил ничего другого, а поддерживать с наставницей связь и неплохие отношения, это.... наверное, тоже неплохо. И во-вторых, в окнах или рядом с домом частенько можно увидеть Валентина или Эмиля, помахать им рукой, улыбнуться — словом, подключить всё то женское обаяние, которым Ломэхонгва совсем не умеет пользоваться. Всё это вместе тянет Ломэхонгву к дому снова и снова. И, когда у неё

нет внятного объяснения, почему она снова здесь, она бесхитростно говорит, что пришла предложить наставнице свою помощь.

И в ответ на одно из таких "предложений" она получает задачу встретить новичка, который вот-вот должен прийти.

Спорить с наставницей нельзя, но Ломэхонгва в себе сомневается. Она знает, что "встреча" подразумевает "рассказать про монастырь". Рассказчик же из индеанки откровенно плохой. Ещё некоторое время Ломэхонгва переживает, а потом Эмиль, видимо, заметив её вытянувшееся лицо, с лёгкой улыбкой подсказывает: рассказ можно сделать и совсем короткий и никакой, главное — довести новичка до комнаты.

"Дальше как-нибудь не потеряется, соседи всё подскажут", уверенно говорит Эмиль. И Ломэхонгве, глядя на его бестрепетную лёгкость, тоже хочется в это верить. И она кивает, и следом за Эмилем повторяет: "не потеряется", и тут же решает, что так она и сделает.

С таким решением за плечами выходить к воротам на звон колокола куда спокойнее и проще.

Новичок, переминающийся возле арки ворот, в первые мгновения кажется Ломэхонгве похожим на чудную птицу: нетерпеливую, любопытную, лёгкую и яркую. И волосы юноши, когда в них пляшет тибетское солнце, вдруг неумовимо напоминают оперение цвета меди, и это только усиливает сходство.

— Добро пожаловать в Линь Ян Шо, — заученно выдыхает Ломэхонгва. Эту фразу она готовила, учила, оттачивала каждый слог. Но на этом подготовка кончается, и Ломэхонгва сбивается на привычные ей короткие, словно обрубленные фразы: — Пойдём. Я покажу, где что.

Елисей Стрелецкий

Вот это печенька к нему вышла из монастырских ворот. Целый торт; возможно, даже, с коньячной пропиткой.

Елисей, признаться честно, в своих представлениях о тибетских монахах тоже дальше плоских стереотипных картинок не ушел. Поэтому, пока юноша торчал у ворот, он представлял себе кого-то в оранжевых одеждах, лысого, сухопарого и с лицом старого Тони Джа. Ну, и феерически промазал по всем четырем пунктам. Девушке, которая появилась вскоре после того, как прозвонил колокол, ничего из перечисленного инкриминировать было нельзя. Только в оглушительной, неожиданной красоте ее и можно было упрекнуть - потому что она и правда была красивая и действительно не вписывалась в антураж никак, ни в тибетском монастыре, ни в каком-нибудь другом. Поначалу Елисей таращился с отвисшей челюстью и начал грешным делом подозревать, что забрел куда-то не туда. Прослушал инструкции сзади наперед, взял карту вверх ногами - в общем, исполнил что-то в этом роде. Но потом девушка произнесла название "Линь Ян Шо" и тем самым дала понять, что никакой ошибки здесь нет, что Елисей пришел по адресу.

Ну, предстоящая "экскурсия с проживанием" только что стала намного интереснее. Даже если такая красавица тут всего одна, все равно, это ж совсем другой пейзаж и знатно оживляет пейзаж. А если вдруг, скажем, выяснится, что это вовсе и не исключение, а вполне себе норма и что таких красавиц здесь немало... ух, голова кругом от замаячивших впереди перспектив.

- Иду, - охотно откликнулся Елисей. И одним бодрым прыжком оказался возле

позвавшей его чернобровой красавицы, и успел даже мельком окинуть ее взглядом ее фигуру. Даже сквозь черную форму - видимо, местную уставно-монастырскую, - было прекрасно видно, что фигура в наличии, отличная такая. - Показывай, пожалуйста, я очень внимательно смотрю и слушаю. Мои глаза и уши полностью в твоём распоряжении. А что же это, ты одна здесь живёшь, такая красивая, среди тибетских монахов? Или у вас здесь есть полноценное, э... женское общежитие? - Ничего умнее ему на этот момент в голову не пришло, а вопрос ощущался животрепещущим и очень интересовал. Исключение или правило? Баг или фича?

Ломэхонгва

В первые мгновения юноша смотрит на индеанку так недоверчиво-вопросительно, что это даже грубо. Но о подобном Ломэхонгва, хвала духам, предупреждена. За время жизни в монастыре она не раз и не два успела услышать, как делятся впечатлениями удивлённые новички, а потому твёрдо знает: тем представлениям, которые люди приносят с собой извне, Линь Ян Шо не соответствует совсем. Вот Цитадель Птиц, подтянуто-строгая, куда как ближе к этим ожидаемым образам. Линь Ян Шо же... Ломэхонгве кажется, что монастырь с каждым годом всё меньше похож на то, чем должен был быть когда-то, всё сильнее превращается в пёстрый, хоть и по-своему прелестный, но хаос. Все эти размышления проносятся в голове за считанные секунды — а потом Ломэхонгва заставляет себя расслабиться и позволяет не самому вежливому взгляду соскользнуть по ней, как вода по намаасленным птичьим перьям. Она не обидится, здесь не на что обижаться, все удивляются в первые минуты, вот и всё.

Потом, оправившись от первого изумления, юноша начинает говорить. И Ломэхонгва едва не теряется в потоке его торопливой речи — он говорит много, куда больше самой индеанки, и проворно, и некоторые слова вворачивает так, словно похвастаться ими хочет. А Ломэхонгве никак этого не оценить, потому что такие ловко вплетённые слова она не узнаёт и только силится не спотыкаться о них слишком, не терять общую нить разговора.

Ей удаётся уловить, что, во-первых, юноша совсем не против того, чтобы пойти с ней, а во-вторых, его, кажется, интересует, кто ещё живёт в монастыре.

— Я здесь не одна, — качает головой Ломэхонгва, от которой вопрос всё же частично ускользнул. — Здесь ещё много учеников. И учениц. — Пассаж про "красоту" она напроць пропускает мимо себя, осознанно: это ни к чему. Она не хочет слушать и впитывать в себя комплименты от этого юноши, позволять им пробраться под кожу. Он ей никто, она его толком не знает. Да и потом, если вдруг такое случится... что скажет Эмиль? Как посмотрит на неё Валентин? Поэтому Ломэхонгва отгораживается сухим рассказом и коротко поясняет: — Слева храм. В нём уроки и дежурства. Перед ним — площадь, на ней общие встречи и её надо подметать. Справа — площадка, на ней тренируются. С мечами, шестами, кулаками и всё такое. А ниже по течению ручья будет парк. — Там тоже тренируются, а ещё не только это, но тут уж Ломэхонгва не знает, как сказать коротко, поэтому она просто умолкает и ведёт юношу через ручей. В ту сторону, где она лучше знает, что говорить о монастыре, и где юношу можно будет забросить в комнату и оставить обжигаться.

Елисей Стрелецкий

Манера говорить у девушки оказалась странная, даже где-то удивительная, и в то же

время - очень подходящая для такого олуха, как Елисей. Слов девушка произносила немного, лишними подробностями не грузила, заблудиться в ее рассказе было негде. Впрочем, не то чтобы Елисей многое намотал на свою забывчивость, часть и без того скупых подробностей он растерял сразу, пропустив мимо ушей. Но совершенно по этому поводу не расстроился. Его вела простая логика: если там реально было что-то важное, так ему повторят, чтобы он точно не прохлопал. А если неважное, так и фиг с ним, потом или само прицепится, или вообще оно не нужно никому. А вот эффектная девушка рядом Елисея интересовала гораздо больше. В том числе, потому, что ее появление заставило животрепетать вопрос: исключение или правило? Цветник или единственная роза в аскетичной оранжерее?

По скупым пояснениям девушки все-таки получалось, что есть немалые основания рассчитывать на цветник.

- Это же замечательно! - горячо сказал Елисей - не уточняя, впрочем, что именно замечательно и оставляя девушке карт-бланш на то, чтобы думать, что это устройство монастыря его так восхитило. Часть про "уроки", впрочем, его тоже слегка цепанула. Поддерживая беседу, Елисей изобразил самый честный интерес, какой только мог, и спросил: - Что ты имеешь в виду под "уроками"? Здесь что, как в школе или в университете, общее расписание? - Ну, получается, променял одну шарагу на другую. Впрочем, опять же, юношу это не сильно тревожило. Ему не верилось, что его здесь выжмут как помойного кота и заедят до состояния полного нестояния. Да и потом, кроме таинственных "уроков" были и другие вопросы, которые волновали Елисея посильнее. Он мельком оглядел девушку еще раз - его прямо-таки тянуло рассмотреть всерьез, изучить подробности красивой фигуры, насколько позволяет черная форма, но и интуиция, и просто банальные общие соображения подсказывали, что такое его поведение чернобровая красotka не оценит, возможно, даже агрессивно не оценит, - и спросил: - А как тебя зовут? Я Елисей, а ты? - Социальные связи, родимые. Нечего их запускать, особенно на новом месте.

Ломэхонгва

Когда речь заходит об уроках, Ломэхонгва предсказуемо напрягается и зажимается. Кто другой мог бы на её месте в эти мгновения запеть дивной птицей, разливаться сладкими трелями, потому что вопрос позволяет. Описывать щедрое многообразие знаний, которым делится монастырь, можно долго. Но Ломэхонгва в такие подробные описания не умеет. Она скованно говорит: – Ну лекции. Тренировки. Куда зовут, туда и идёшь, – и заканчивает тем, что вообще некрасиво соскакивает с этого вопроса: – Спросишь наставницу, она расскажет больше.

Хотя после такого отскока в сторону Ломэхонгва наверняка рискует нарваться на вопросы и про наставницу тоже. Но там уже будет попроще. Наверное. По идее, это ведь сифу Давенпорт будет его наставницей? Раз именно она попросила встретить юношу? Пару мгновений Ломэхонгва ещё колеблется, а потом просто решает, что за всеми сложными деталями она отправит новичка к сифу Давенпорт. Уж у неё-то наверняка на всё есть ответы.

Тем временем юноша предпринимает старательные попытки познакомиться поближе не только с монастырём, но и с самой Ломэхонгвой. Его взгляд так обжигает неподдельным интересом, что даже неловко и немного хочется нырнуть в ближайшие кусты и скрыться из глаз. Но позорного бегства Ломэхонгва себе не позволяет. Она уже примеривается было, как ловчее наступить юноше на ногу,

чтобы её просьба перестать так рассматривать индеанку звучала веселее. Но тут юноша представляется — и Ломэхонгва едва не замирает, замороженная неожиданным звучанием имени.

— Елисей? — вопросительно повторяет она, словно пробует необычное сочетание звуков на вкус. Имя течёт и переливается, присвистывает и прищёлкивает, но вместе с тем ощущается очень мягким. Всё это делает его похожим на птичью трель — и очень логично продолжает и дополняет одну из первых мыслей Ломэхонгвы, возникшую, когда она только-только увидела юношу. Птице — птичье имя. Всё правильно.

Елисей тем временем ждёт ответа, и невежливым будет распробовать его имя, но так и не поделиться своим. Поэтому индеанка представляется в ответ: — Ломэхонгва. Значит "облако", — и направляет шаг к жилым корпусам. Все ритуалы вежливости ведь, кажется, соблюдены? Больше задерживаться незачем, можно и к делу? — Это жилые корпуса. Здесь живут ученики, во всех трёх. Пойдём, покажу твою комнату. — Вернее, комнату сперва придётся найти. Но Ломэхонгва полагает, что сложным это не будет.

Елисей Стрелецкий

- Наставницу? - с интересом переспросил Елисей. Ух ты. Наставницы у него еще никогда не было. Вернее, нигде подобным образом не формулировали незамысловатое "учительница". И выбранное девушкой слово сейчас придавало предстоящей встрече с преподавателем некий привкус экзотики.

Хотя разве ж это была экзотика! Вот имя новой знакомой Елисея - это оказалось да, всем именам имя. Вот уж что точно в обычной обстановке никогда не встретишь.

- Как-как? - опешил на мгновение Елисей, и сорвался переспрашивать так же, как мгновениями раньше это сделала с его именем сама девушка. Только если у жгучей красотки вышло правильно повторить новое для нее имя с первой попытки, то вот Елисей кругом опозорился и ничего подобного не осилил, заблудился в обилии согласных, сложившихся в какое-то совсем новое для языка и слуха, насквозь незнакомое имя. И поначалу пояснение про "облако" запутало еще больше - чего? что, как, почему? откуда это и зачем? Не сразу, с глубокой пробуксовкой Елисей сообразил: а, наверное, это значение имени. Ну, некоторые таким увлекаются, любят рассказывать при встрече, что означает их имя. Лично Елисей не увлекался. Более того, он про свое имя ничего подобного и не знал. Ему и так нравилось, как оно звучит, как было в нем что-то с богатым боярским флером. И юноше вообще не улыбалось полезть в какой-нибудь толкователь имен и выяснить, что на самом деле все это великолепие означает что-то типа "сучка крашеная". Ну сразу же все очарование облетит, и взад его будет уже не прилепить.

Заигрывать с чужим именем, произвольно плюясь согласными и гласными, которые ему вроде как и слышались, но толком не запомнились, Елисей не рискнул. Чего доброго, выдаст еще что-нибудь в лучшем случае несуразное, в худшем - просто оскорбительное. И девушка запросто может обидеться, а она и так уже смотрела неласково. Поэтому юноша выбрал более глупый, но более безопасный путь. Следуя за девушкой, которая вела его к длинным домам, названным "жилыми корпусами", Елисей как можно невиннее сказал: - Какое у тебя необычное имя. Никогда раньше ничего подобного не слышал. Извини, пожалуйста, а ты не могла бы повторить еще раз? Не хочу что-нибудь напутать.

Ломэхонгва

— Наставницу, — подтверждает Ломэхонгва. И со смутным неудовольствием думает: какой странный у них получается разговор. Опять-таки птичий. Диалог двух попугаев, которые друг за другом повторяют. И чтобы немножко разбавить неловкие повторы в их беседе, Ломэхонгва всё же поясняет чуть более развёрнуто: — Сифу Давенпорт. Она будет следить за тем, как ты учишься. Я думаю, что она будет. Ты с ней встретишься позже, — а больше у Ломэхонгвы для Елисея при всём желании нет никаких подробностей. Она уже рассказала все те крохи обрывочной информации, которыми владела. Дальше — только выдумывать, а этого делать индеанка не хочет. Потому что нет этому ни единой разумной причины.

Но, несмотря на старания девушки, от повторений им с Елисеем всё никак не избавиться.

Впрочем, здесь это предсказуемо и понятно. Ломэхонгва сама про себя знает, что имя у неё сложное. Что его и некоторые мастера вспоминают так, словно делают выход силой — вот сифу Адлер, например, какое-то время с именем индеанки именно так и боролся, хотя и всегда выходил победителем. А учеников, понятно, озадачить ещё проще. Вот как Елисея сейчас — он смотрит удивлённо, высоко подняв брови, такие же странно рыжеватые, как и спадающая на них чёлка, и связываться с незнакомыми ему буквами даже не пытается, а просто просит повторить. Просит, в понимании Ломэхонгвы, объяснимо и вежливо, поэтому причин отказывать нет.

— Ломэхонгва. Так меня зовут, — повторяет она как можно чётче, почти отдельно. И мельком, одна за другой индеанку догоняют две мысли. Первая, полная странного сожаления — о том, что за столько лет в монастыре у её имени не появилось никакого сокращения, ничего лёгкого и ласкового в него не привнесли другие, никак покороче и попроще ей сейчас не представиться. И вторая, почему-то по своему оттенку недалеко ушедшая от первой, — что Елисей зря так старается, запоминая. Потому что едва ли они станут общаться ещё, а значит, сложное имя ему всё равно больше не пригодится. Обе эти мысли Ломэхонгва с усилием отпихивает от себя и — они не нужны, ни сейчас, ни потом, они лишние. Тем временем перед ней уже вырастает ученический жилой корпус, и Ломэхонгва ответственно уточняет, поднимаясь по ступенькам: — Как ты хочешь? С соседом или без?

Елисей Стрелецкий

Елисей едва сдержался, чтобы не уйти на новый круг затягивающейся рекурсии и не включить снова. Потому что Ломэхонгва - спасибо, что она была так мила и повторила по слогам, позволяя лучше разобраться и запомнить, и внутри своей головы Елисей пока еще так и произносит ее имя, строго отдельно, - опять сыплет непонятными словами. "Сифу"? Это... ну, Елисей за неимением лучшим вариантов предположил, что это какой-нибудь "профессор" на китайский манер.

Да ладно, это все были мелочи и не важно. Пока Елисей старался у себя в голове уложить главное, концептуальное - есть некая наставница, которая будет его курировать и следить за тем, чтобы он в этом монастыре не бамбук курил, а уроками занимался. Это чуть омрачало радужную картину "экскурсии с проживанием", которую Елисей уже успел было себе нарисовать - хотя... не, по факту, надо будет посмотреть, как оно тут чего, насколько тут тяжелые и мутные "уроки" и как сильно от них будет хотеться выть. Возможно, вообще не будет. Ну и нечего тогда раньше

времени панику разводить.

От Ломэхонгвы оставалось впечатление, что она как-то очень сильно торопилась - то ли по делам, то ли просто поскорее избавиться от навязанного ей экскурсанта. Она обозначила только жилые корпуса, к которым сразу же и направилась. Елисей же тем временем успел заметить еще парочку зданий поменьше - впрочем, было бы что замечать, они тут торчали как на ладони - о которых наверняка тоже можно было рассказать что-нибудь важное. Не просто же так их сюда воткнули. Елисей немедленно попытался это и прояснить: с прямой непосредственностью он потрогал Ломэхонгву за запястье, привлекая ее внимание, а потом указал ей на домики поменьше поодаль: - А там что? Не думаю, что там кто-то живет, да? Что тогда? Карцер для тех, кто плохо себя вел? - Хотя на карцер было не похоже. Слишком уж уютно выглядело.

В целом по зажатости Ломэхонгвы Елисей уже начал подозревать, что ничего девушка ему особо не расскажет и нужен будет другой источник информации. Да, есть потенциальная наставница, но с ней невесть когда получится встретиться, и в целом, не худо бы иметь запасной вариант. Поэтому в ответ на вопрос девушки Елисей бодро сказал: - Ну лучше с соседом, конечно! Вдвоем, оно веселее! - Ну а что, ему же предложили выбрать. Он и выбрал.

Предложили же, да? Или так, абстрактно спросили о предпочтениях, чтобы потом их проигнорировать?

Ломэхонгва

Ломэхонгва и правда торопится. Она очень невысоко оценивает себя как экскурсовода, но дело не только в том. Внимание Елисея ощущается странным образом некомфортным. Оно как будто... здесь у Ломэхонгвы случается полная нехватка словарного запаса, и описать это тревожащее "как будто" она даже самой себе не может.

Она только знает, что, чем бы это ни было, она этого не желает, ей этого не нужно и даже, возможно, это трудноуловимое "нечто" её злит.

И в таких условиях, конечно, Ломэхонгва не хочет и минуты лишней задерживаться рядом с Елисеем. И то, как он настойчиво пытается затянуть экскурсию, задаёт дополнительные вопросы, ей совсем не нравится.

— Нет, там не живут, — сухо подтверждает Ломэхонгва и делает широкий шаг в сторону, и руки прячет за спину так, чтобы Елисею было затруднительно снова дотянуться до её запястий. — Не трогай меня, пожалуйста. Мне неприятно.

Она и без того не самый контактный в монастыре человек, и других учеников обычно трогает только на занятиях и каким-нибудь оружием, и даже к Эмилю и Валентину, к которым относится со всей теплотой, которая только есть в её сердце, не решается прикоснуться.

Поэтому лучше скорее с неприятным покончить и дальше идти уже по своим делам. Ломэхонгва торопливо пролетает по коридору, даже не оглядываясь, чтобы узнать, успевает ли за ней Елисей, и открывает одну из дверей. Там возле одной из циновок уже набросаны чьи-то вещи — а другая свободна, вот и замечательно, здесь и можно бросить навязчивого новичка. Ломэхонгва указывает внутрь комнаты и коротко говорит: — С соседом. Как просил. Располагайся.

Елисей Стрелецкий

Елисей уже понял, что его новая знакомая очень немногословна, а потому ровно по той же причине очень прямолинейна - сложно подбираться к сути окольными путями и использовать при этом минимум слов, эта тактика как будто противоречива внутри самой себя. Однако оказалась, что Ломэхонгва даже и так способна удивить, а границ у ее прямолинейности практически не было. Словами "мне неприятно" Елисея еще никогда не отшивали - тем более, что он, по его меркам, еще ничего толком и не сделал. Но если Ломэхонгва так жестко реагировала на вполне, в понимании юноши, невинное прикосновение к руке, которым он реально пытался в основном привлечь внимание девушки, а не что-то там у-ру-ру, то стоило, наверное, смириться с тем, что здесь колючая изгородь, а за ней - бетонная стена, и лезть туда не стоит.

Ну, если только не получится нащупать брешь в бетоне и колючках.

- Понял, зарубил на носу. Не трогаю, - согласился Елисей. Глядя на упирающуюся всеми фигуральными четырьмя Ломэхонгву, он предположил, что стоит пока от девушки временно отстать, чтобы она не запомнила его, как совсем уж невыносимо пристающего нахала. - Потом тогда у кого-нибудь другого спрошу. У наставницы, например. Как мне ее найти, кстати? Метка на карте, особые приметы? - Это сейчас, наверное, был самый мутный вопрос. Пойти туда, не знаю куда, найти того, не знаю того. И хорошо бы было добыть из Ломэхонгвы хоть какую-то конкретику, прежде чем она сбежит - а она именно это явно и собиралась сделать.

При первом взгляде, когда Елисей сунулся в открытую для него комнату, никакого соседа не обнаружилось. При втором же взгляде стало можно заметить разложенные по комнате (вернее, строго по ее половине) вещи - значит, тут явно кто-то жил. Гениальное заключение, да, Холмс. Елисей метнул свой рюкзак в сторону свободной циновки и бодро сказал: - Ну, надеюсь, с соседом мы подружмся. Есть еще что-то, что мне надо знать перед тем, как ты меня оставишь и я отчалию в свободное плавание?

Ломэхонгва

Елисея не остановить никак, и Ломэхонгва начинает всерьёз подозревать, что заставить его замолчать получится только в том случае, если пришить его язык к небу острыми иглами. Да и тогда он, наверное, продолжит болтать руками — но хотя бы без звука. Сейчас же звук есть, и никуда от него не деться. Вопросы продолжают сыпаться из Елисея, как из прорехи в мешке с рисом. Если от идеи добиться от Ломэхонгвы экскурсии он всё же отказывается, то теперь начинает настойчиво выяснять, где найти наставницу. А индеанке на этот вопрос ответить нечем. Вернее, рассказать, как найти домик сифу Давенпорт, она может. Но стоит ли? Есть ли у неё на это право? Сифу Давенпорт на этот счёт никаких указаний не дала, и теперь Ломэхонгва мучается, не зная, как поступить.

— Тебя потом позовут, — наконец выдаёт она, решив, что лучше пока всё-таки поддержать Елисея поодаль от наставницы. Ничего с ним не случится. Где столовая и во сколько отбой, ему уж как-нибудь подскажут. А дальше — дальше Ломэхонгва успеет добежать до сифу Давенпорт, обо всём ей отчитаться и спросить, как следует поступить теперь.

Да, так точно будет правильнее всего.

И к следующему вопросу юноша Ломэхонгва подходит так же решительно и сухо.

— Важное дорасскажет наставница. Если что-то понадобится раньше, спросишь у

соседа, — отрезает она. И почти что выплёвывает, ставя точку: — Пока, — и торопливо захлопывает дверь.

Всё, необходимый минимум она сделала — хватит с неё, и Елисею тоже хватит. На большее индеанка не подписывалась, и сейчас она только лишний раз убеждается: в ученичестве ей полностью комфортно. Дальше она пока не хочет.
